

Свет выстрададанной истины

Прежде чем заговорит мой собеседник, профессор филологии Глушков, я хочу сказать вам историю, которая прольет особый свет на каждое его слово. Это свет выстрададанной истины. Что же до самой истории, то случилась она в давние времена, однако суть ее не замутилась, а скорее наоборот, с годами приобрела свойства магического кристалла, через который полезно посмотреть в настоящее. История эта, конечно, связана с Михаилом Александровичем Шолоховым. Но поскольку мы знаем, что несчастное свойство любого русского гения притягивать на свою орбиту множество других имен — равно как высокие, так и низменные (от последних-то и страдают прижизненно и посмертно), — то история и о них тоже.

...Итак, начало семидесятых. Лекции Николая Ивановича Глушкова по советской литературе — одни из самых популярных и любимых на филфаке Ростовского университета. Он смел и громогласен, он говорит нам, своим ученикам, о реализме Шолохова и Солженицына, ставит «Один день Ивана Денисовича» в ряд заметных явлений советской литературы. Он говорит это нам в то время, когда гуляет по факультету самиздатовский «Раковый корпус», и далеко не каждому ты отважишься передать его в руки — только самому надежному, самому верному. Мы слушаем Глушкова с замиранием сердца, с радостным холодком в груди, который всегда испытываешь, наблюдая чужую, недоступную тебе пока (или вообще?) смелость. И никому из нас не дано знать, что позже «Август 14-го» сделают детонатором августа 91-го, что не написанный еще, но уже задуманный «Архипелаг ГУЛАГ» с его убийственной документальностью превратят в инструмент разрушения нашего Отечества. До всего этого еще невероятно, неправдоподобно далеко. Но зерна уже брошены и начнут ростками.

Объективность ученого не

позволила Глушкову пройти мимо раннего Солженицына. И это был счастливый случай для его недоброжелателей, когда ученого, сделавшего главным направлением руководимой им кафедры советской литературы исследование творчества Шолохова, можно было брать голыми руками.

В обком партии был написан донос, прошла серия отличительных выступлений в местном отделении СП. Главные «обличители» сегодня пребывают в мире ином, и нам их уже не судить. Но вот тогдашний декан филфака Яков Романович Симкин, отбывший теперь из России, получил благопристойный повод для того, чтобы раздуть страсти. Кто знает, что ждало бы в дальнейшем Николая Ивановича — лишение ученого звания, изгнание из университета вообще, — если бы не скорректировал ситуацию Юрий Андреевич Жданов, ректор РГУ. Приватно и, разумеется, рискованно, он намекнул Глушкову, что надо поскорее уехать из Ростова...

И вот в Ростовском университете наступило время, когда исследование творчества великого земляка занимать стало некому. Был еще один смелый человек, Евгений Павлович Дрягин, который написал монографию о Шолохове, но его на филфаке, где царил Симкин, «прокатили» по конкурсу. И в это же время литературоведы совсем другой школы, а вернее, других нравственных устремлений, внедряли в общественное сознание клевету о великом писателе, намеренно принижали непреходящую, общемировую ценность его произведений.

По праву должны были восстать против этого первыми земляки Шолохова. К счастью, так и случилось. В конце 1985 года по инициативе нового декана филфака Нины Забабуровой, секретаря парткома РГУ Виктора Филоненко, литературоведа Татьяны Осиповой было организовано возвращение Глушкова в родной университет, к своей кафедре и к

главной шолоховской теме. И снова свою роль сыграл здесь Юрий Андреевич Жданов. Ему пришлось лично просить руководство Кубанского университета, где тогда работал Глушков, отпустить его в Ростов, просить под благородным предлогом организации шолоховедческого центра именно на донской земле, где ему и быть надлежит.

— Николай Иванович, — обращаюсь я к учителю, — кажется, вернулось все — любимое дело, преданные ученики, кафедра... Все, кроме безвозвратного времени. И мне порой кажется, что нынешний разор и позор России — он весь состоит из таких частных, разных, но невосполнимых потерь. Одно упустили, другое просмотрели, а честь и могущество Родины сжимаются, как шагреньевая кожа. В поздний

след шлет нам Александр Исаевич рецепты из-за океана — как обустроить Россию. А Шолохов Россией просто жил. И его книги, как ни старайся, как ни изворачивайся, во вред Отечеству не обратят. Они защищены от злых потомков самой надежной защитой — патриотизмом.

— Да, — отвечает Глушков, — за любовь к казаку, за правду мстят Шолохову и все не могут успокоиться духовные наследники тех, кто организовывал расказачивание. Ведь волнами, когда надо, поднимаются кампании по оспариванию его авторства. И если бы споры шли только в научных кругах! Нет, русофобской школе в шолоховедении подыгрывают средства массовой информации — журнал «Вопросы литературы», «Литгазета»... Да разве это участь одного

Шолохова? Ведь у нас нынче забыты в литературоведческих кругах Есенин, Корнилов, Павел Васильев, Горький... Судьба ныне здравствующих русских писателей не лучше.

— После вашего возвращения, так сказать, «из ссылки», в Ростове сложился шолоховедческий центр...

— Да, центр возник на кафедре советской литературы (теперь она называется кафедрой отечественной литературы XX века). Недельные шолоховские чтения, проводимые два раза в пятилетие в Ростове и Вешенской, — по существу научные сессии международной представительности. Однако ни одного сообщения о них в будто бы независимых центральных изданиях не было.

На базе материалов конференций в издательстве университета выходит периоди-

ческое издание «Шолоховские чтения». Но, Бог мой! Как мал его тираж, как трудно донести слово о Шолохове не только до широких студенческих кругов, но даже до литературоведов. Заявок на издание много, в том числе и зарубежных, но на энтузиазме работников издательства их не выполнить.

Все труднее поддерживать связь с исследователями творчества Шолохова за рубежом. Неизвестно, смогут ли еще приехать к нам на следующие чтения профессора Вук Минич и Ольга Браичич — сербы, поляк Базилий Бялокозович, англичанин Брайан Мэрфи. Очень жаль, если не будет у нас на чтениях моей аспирантки из Польши Мажены Причельской, блестяще защитившей по шолоховской теме в ИМЛИ. Война, инфляция, трудности с финансировани-

ем научных контактов разрывают наши связи и с ближним зарубежьем.

С отношением к Шолохову, как правило, совпадает современная конфронтация в литературной борьбе страны — конфронтация национально-патриотического движения (православно-демократического, отнюдь не «националистического») и псевдоинтернационалист с к о й плутократии варягов нашего времени.

— И не обязательно хулить, можно просто замалчивать — верно? Как это случилось, например, с решением научной конференции прошлого года «Поднятая целина» в культуре России XX века».

— Конечно. В решении говорится, в частности, что участники конференции выражают глубочайшее недо-

умение в связи с чиновничьей дискриминацией «Поднятой целины» в новейшей учебной программе общеобразовательной школы вопреки мнению подавляющего большинства русских литературоведов. Романы «Тихий Дон» и «Поднятая целина» следует представлять в учебных программах равноправно и в идейно-художественном единстве их реализма. Ни Министерство народного образования, ни центральные газеты и журналы, куда было направлено решение, не обмолвились о нем ни единым словом, отмахнувшись от мнения ученых, как от назойливой мухи, которая мешает делать свое дело.

— Рядом с научным центром вот уже три года действует историко-литературное общество «Шолоховский круг» — одно из самых ярких явлений духовной жизни Дона в последнее время.

— О, это был первый «круг» на Дону, куда вошли патристически настроенные литераторы, историки, литературоведы. Мы ратовали за возрождение казачества и радовались первым шагам на этом пути. Однако издес политик вмешались и быстро сообразили, что казачью карту можно выгодно разыграть для разобщения русских людей по принципу «разделяй и властвуй». Обидно, что казачья верхушка это восприняла всерьез. С каких это пор казаки перестали быть частью русского народа? А вот поди ж ты — теперь добиваются для себя статуса репрессированного народа, идут на экстремизм, способствуя тем самым делу развала России. Больно смотреть на это. Чем наглыми трясти, почитали бы лучше Михаила Александровича — да глубоко, вдумчиво, так, чтоб до каждого дошла его боль за Россию, истерзанную когда-то гражданской войной, за горькую судьбу нашего земляка Григория Мелехова. Глядишь, и многое открылось бы его сегодняшним потомкам в ином, истинном свете.

М. А. Шолохов среди рабочих завода «Ростсельмаш», 1961 год.